

гражданин, заключивший договор о выполнении работы по определенной трудовой функции, а другой – работодатель (наниматель, владелец предприятия или уполномоченный орган, физическое или юридическое лицо), принявший на работу указанного гражданина.

2. Трудовые кодексы России и Армении расширяют перечень физических лиц, которые являются стороной трудового договора:

– российский законодатель включил в их число частных нотариусов, адвокатов и иных лиц, чья профессио-

нальная деятельность согласно законодательству должна быть зарегистрирована либо лицензирована, а равно иные субъекты, которые наделены правом заключать трудовые договоры;

– законодательство Армении говорит об ином субъекте, имеющем право заключать трудовой договор: учреждение, государственный орган либо орган местного самоуправления и т. д., а также особо отмечает, что в качестве работодателя может выступать каждый гражданин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.11.2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
2. Трудовой кодекс Республики Армения от 09.11.2004 г. № ЗР-124 (ред. от 12.11.2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8660 (дата обращения: 15.12.2013).
3. Буянова М. О. Трудовое право России. М., 2009. 240 с.
4. Анисимов А. Л. Новый Гражданский кодекс и субъекты правоотношений // Ученые записки Московского государственного социального университета. 1996. № 2. С. 92–99.
5. Толкунова В. Н., Гусов К. Н. Трудовое право России / Под ред. В. Н. Толкуновой. М., 1995. 448 с.

REFERENCES

1. Labor code of the Russian Federation dated 30.12.2001 # 197-FZ (amended as of 25.11.2013) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of viewing: 15.12.2013).
2. The labor code of the Republic of Armenia dated 09.11.2004 # ZR-124 (amended as of 12.11.2012) [Electronic resource]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8660 (date of viewing: 15.12.2013).
3. Buyanova M. O. Labor law of Russia. M., 2009. 240 p.
4. Anisimov A. L. The New Civil code and the subjects of legal relations // The scientists notes of Moscow State Social University. 1996. # 2. P. 92–99.
5. Tolkunova V. N., Gusov K. N. Labor law of Russia / Edited by V. N. Tolkunova. M., 1995. 448 p.

УДК: 343.22

ББК: 67.408.011

Rogozhkin Alexey Alexandrovich,
postgraduate student of the department of criminal and legal disciplines of the Institute of Management, Business and Law, Rostov-on-Don,
e-mail: aleksei-rogojkin@bk.ru

Рогожкин Алексей Александрович,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Института управления, бизнеса и права,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aleksei-rogojkin@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ESTABLISHING THE CONCEPT OF «SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME» IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE

Статья посвящена изучению особенностей формирования понятия «специальный субъект преступления» в уголовном праве Российской империи. Правовые памятники Российской империи выделяли отдельные виды исполнителей, однако не обосновывали пределы их ответственности. Учение о специальном субъекте преступления в Российской империи появилось в XIX веке в аспекте развития института соучастия. Приведенный в статье анализ уголовного законодательства Российской империи, безусловно, не может отразить в полном объеме представления о существе рассматриваемой проблемы, тем не менее подтверждает актуальность исследуемого вопроса и необходимость продолжения рассмотрения проблематики специального субъек-

кта преступления в российском и зарубежном уголовном законодательстве в историческом аспекте и в современности.

The article is devoted to studying the features of formation of the concept «special subject of a crime» in the criminal law of the Russian Empire. Legal monuments of the Russian Empire distinguished separate types of performers, however, didn't justify the limits of their responsibility. The doctrine about the special subject of a crime in the Russian Empire appeared in XIX in terms of development of the institute of complicity. The analysis of the criminal legislation of the Russian Empire provided in the article, certainly, cannot reflect in the full volume of notion the essence of the issue under consideration. Never-

theless, the analysis confirms the relevance of the studied issue and the need of continuation of examination of the problems of the special subject of the crime in Russian and foreign criminal legislation from the historical and modern points of view.

Ключевые слова: Кодекс феодального права, Судебник, Воинский Артикул, Уложение, Указ, специальный субъект преступления, состав преступления, уголовное право, уголовная ответственность, наказание, соучастие.

Keywords: Code of the feudal law, Code of laws, Military Article, Code, Decree, special subject of a crime, crime structure-corpus delicti, criminal law, criminal liability, punishment, complicity.

Безусловно, закономерности происходящих в обществе и государственном строе изменений следует рассматривать на этапах развития Российского государства. Анализ учения о специальном субъекте преступления необходимо начинать с изучения понятия преступления.

В древнерусском праве Кодексом феодального права являлась «Русская Правда», в которой содержались уголовные и гражданские нормы, посвященные в основном охране феодальной собственности [1, с. 36–37].

В статье 36 «Пространной Правды», например, разрешалось в ночное время лишить жизни вора, застигнутого на месте преступления. При изучении статей об ответственности за убийство и посягательствах на собственность можно получить представление об особенностях преступных деяний на Руси в конце XI – начале XII века. За поджог двора, например, предусматривалось суровое наказание, подобное деяние относилось к тяжким преступлениям.

Необходимо подчеркнуть, что основы византийского права на Руси появились вместе с христианством. Источником норм был византийский сборник церковных законов «Кормчая книга». Князья вынуждены были считаться с существованием обычаев кровной мести. Статья 19 «Русской Правды», например, предусматривала за совершенное в разбое убийство смертную казнь.

Членовредительство признавалось законом тяжким преступлением [2, с. 5]. В «Пространной Правде» описывались преступные деяния с причинением телесных повреждений. Большая часть правонарушений в «Русской Правде» представлена двумя группами: уничтожение и повреждение чужой вещи и действия, подвергающие виновного выдаче князю платежа штрафов за разбой, поджог, убийство, изучение. Отсутствует определение преступного деяния, нет разграничения между уголовными и гражданско-правовыми нормами. Следует отметить, что о лице, совершающем преступное деяние, не упоминается в рассматриваемом памятнике древнерусского права. Следовательно, из текста «Русской Правды» трудно выделить положения о его возрасте и вменяемости. Преступное действие считалось злом, поэтому распространенным названием для преступления было «лихое дело», «лихой человек». На общины было возложено Иваном III право и обязанность преследовать и судить лихих людей.

Публичная служба считалась оплачиваемой деятельностью в области исполнения государственных задач. Коррупционная преступность оформилась в Судебнике 1550 года. По мере развития представлений о должностных преступлениях появляются и специальные наказания, например, отрешение от занимаемой должности, штрафы за лихоимство.

Рассматривая вопрос о преступном деянии и преступнике, необходимо отметить Судебник царя Федора Иоан-

новича 1589 года. Были установлены преступные деяния, которые отсутствовали в Судебнике 1550 года Ивана IV Грозного, например, дурное содержание мостов и дорог. А согласно статье 229 считалось преступным деяние, если оказывалась помощь беглым и не принималось участие в их задержании.

Таким образом, в Судебниках 1550 и 1589 годов отсутствуют определение понятия преступного деяния и информация о совершившем его субъекте. Субъектом преступного деяния мог являться человек [3, с. 44–48]. Случаи проведения судебных процессов над животными были характерны для зарубежных стран Европы XIV–XV веков [4, с. 114].

Проведенный анализ «Русской Правды» Ярослава Мудрого, Судебников 1497, 1550 и 1589 годов позволяет прийти к следующим выводам:

- не может считаться специальным субъектом преступления обособленное выделение некоторых категорий лиц, так как понятия субъекта преступления еще не существовало;

- наличие специальных признаков субъекта преступления ведет к дальнейшей необходимости выделения из равноправных субъектов отдельных категорий лиц; однако, к примеру, должностная преступность сформировалась в Судебнике 1550 года;

- после образования централизованного государства основанием для привлечения к уголовной ответственности считалось достижение семилетнего возраста, пол преступника, наличие вины, в некоторых случаях имел значение и социальный статус.

Все вышесказанное подтверждает актуальность темы исследования, помогает последовательно разобраться в проблеме определения специального субъекта преступления в историческом аспекте. Установление факта, что субъектом преступления может быть только человек, является следствием эволюционного развития в истории русского права.

Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года представляется важным источником уголовного права в России. Преступления против церкви закрепляются в Уложении 1649 года. Так, в соответствии со статьей 1 богохульство наказывалось смертной казнью. Преступления против государя и государства рассматриваются в главах 2 и 3. В главах 4, 6, 10 предусмотрены преступления против судебной власти государства.

В Уложении 1649 года существовало значительное количество норм, предусматривающих ответственность за религиозные преступления [5, с. 3–4]. Тем не менее лицо наказывалось смертной казнью за сокрытие государственных преступлений. Воровство являлось преступлением против государства, если сопровождалось восстанием, направленным против представителей государственной власти. Лица, которые совершили подобные деяния, наказывались смертной казнью. Изготовление поддельных печатей, писем и фальшивых денег – все эти преступления против порядка управления относились к «воровским делам», за которые предусматривалась смертная казнь [6, с. 67].

Система наказаний в Уложении 1649 года за преступные деяния была уточнена и содержала в себе основной принцип – устрашение. Преступление (по Уложению 1649 года) – это всякое нарушение и неисполнение закона. Преступные деяния систематизируются и классифицируются. Преступное деяние понималось как нарушение предписаний монарха и правопорядка, установленного государством. Но о субъекте преступления практически не упомина-

нается. Происходит выделение специальных исполнителей, однако отсутствует обоснование границ их ответственности и ответственности соучастников. Понятие исполнителя включало в себя действия исполнителя и пособника. При этом трудно было установить возрастные характеристики преступника и его вменяемость. Необходимо подчеркнуть, что звание и чин преступника учитывались при определении применяемого к нему наказания. Однако умышленное убийство независимо от социальной принадлежности субъекта преступления наказывалось смертной казнью [7, с. 88]. В законе отсутствуют сведения о влиянии возраста преступника на уголовную ответственность [8, с. 6].

Обсуждая исторические аспекты формирования понятия «специальный субъект преступления», следует подчеркнуть, что Соборное Уложение 1649 года регламентировало вопросы наказуемости деяний военнослужащих. Впервые были обозначены права и обязанности ратных людей на период военных действий. Уклонение от несения военной службы, дезертирство, измена, похищение или утрата военного имущества – за все эти преступления предусматривалось суровое наказание.

Говоря о специальном субъекте, необходимо отметить, что в Воинских Артикулах Петра I 1715 года рассматриваются преступления, совершенные военнослужащими, но артикулы применялись также к лицам, которые военнослужащими не являлись. Таким образом, обозначая специальный субъект на примере военнослужащего, можно говорить об общем субъекте преступления. Уголовное законодательство при Петре I в процессе своего совершенствования представляет собой фактически уголовный кодекс в виде Воинского Артикула, имевшего характер военно-уголовного закона.

В главе XV «О сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем» Воинского Артикула могли нести корпоративную уголовную ответственность военные подразделения. В артикуле 117 идет речь о преступлении, которое совершается воинским подразделением, определяя коллективную уголовную ответственность, которую можно отнести к разновидности специального субъекта преступления – юридическому лицу. Многие артикулы главы XV устанавливают для специального субъекта преступления, военнослужащих, наказания в виде лишения чести, житейской и жизни.

О субъекте преступления в уголовном законодательстве Петра I содержится скудная информация. О возрасте физического лица в законе не упоминается. Не решены вопросы с невменяемостью субъекта преступления. В Воинском Артикуле 1715 года признается особый характер отношений между военнослужащими, обусловленный несением службы, но без определения четких границ ответственности. Применение Воинского Артикула 1715 года в судебной практике по определению ответственности субъектов, которые не являлись специальными, было широко распространенной практикой [9, с. 91–92].

Законодательство Петра Великого не внесло существенных изменений в русское уголовное право о преступном деянии. Проведенный анализ изменений законодательства эпохи правления Петра Великого подтверждает проблемность темы проводимого исследования, в Воинских Артикулах обозначаются отдельные специальные субъекты преступления, а именно военнослужащие и воинские подразделения, для которых определяется коллективная уголовная ответственность по аналогии с ответственностью юридического лица. Очевидным недостатком этого зако-

на является отсутствие его избирательного применения. Особо следует подчеркнуть, что разработанность понятия специального субъекта преступления в уголовном законодательстве XVIII века находилась на уровне с Уложением 1649 года. В послепетровский период важных уголовных законов не принималось.

Говоря об императорских Указах 1742, 1765, 1766 годов, необходимо подчеркнуть отсутствие разграничений в отношении возрастных особенностей субъекта преступления [10]. Эти нормативные акты предусматривали наказание малолетних преступников, которых вместо смертной казни наказывали плетью, отсылали в монастыри под караул и покаяние, а также били розгами. Указ императрицы Елизаветы определял лицам от 10 до 15 лет, совершившим тяжкие преступления, применение менее строгого наказания по сравнению со взрослыми преступниками. Это положение было отменено в указах Екатерины II и закреплено в Своде законов Российской империи 1832 года, который вступил в силу с 1 января 1835 года, где преступлением считалось всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания.

На основании проведенной оценки и анализа положений Свода законов 1832 года можно прийти к заключению, что субъектом преступления могло быть лицо, достигшее 10-летнего возраста [11, с. 132]. Если лицо совершило преступление в невменяемом состоянии, то по Своду законов оно субъектом преступления не признавалось.

В период царствования Николая I важным этапом развития уголовно-правовой науки стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Первый раздел являлся прообразом общей части уголовного кодекса и состоял из 181 статьи. Важно отметить, что понятие преступного деяния было конкретизировано по сравнению со Сводом законов 1832 года. В Уложении регламентировались преступления и проступки против государства, православной веры, порядка управления, службы, против постановлений о повинностях, имуществе и доходах казны, общественного благоустройства, сословного строя, частной собственности, жизни и здоровья.

Из вопроса о пределах ответственности соучастников появилось учение о специальном субъекте. Важно отметить, что Уложение 1845 года регламентировало ответственность специального субъекта преступления. Однако упоминание о специальном виновнике отсутствовало. Таким образом, в этот период времени происходит формирование учения о специальном субъекте.

Лица, совершившие преступления и проступки, подвергались уголовным наказаниям. В Уложении конкретизированы возраст и вменяемость субъекта преступления. Так, дети до 10-летнего возраста не подлежали наказанию и должны были быть отданы родителям, опекунам или родственникам для воспитания и исправления.

По Уложению 1845 года статьей 144 субъектом преступления признавалось лицо, достигшее возраста 10 лет и являющееся вменяемым. Наказание для лиц от 10 до 14 лет, как правило, смягчалось [12, с. 98]. Лица в возрасте от 14 до 21 года наказывались наравне со взрослыми преступниками, но со смягчением наказания. Необходимо подчеркнуть, что с 21 года наступала полная уголовная ответственность.

Если преступник находился в невменяемом состоянии, то по Уложению 1845 года он не мог признаваться субъектом преступления. Однако если такой человек совершил убийство или попытался покончить с собой, тогда он заключался в дом умалишенных (статья 101). Уложение

1885 года являлось новой редакцией Уложения 1845 года. Таким образом, вменяемость и возраст определяют виновность лица, совершившего преступление.

Уложение 1845 года претерпело две редакции: в 1857 и 1866 годах [13]. В 1885 году появляется третья редакция, в которой имеются некоторые новые составы преступлений.

Уголовное Уложение от 22 марта 1903 года представляет собой важный законодательный акт Российской империи. Вступление в силу Уложения 1903 года являлось особым событием в общественно-политической жизни России, несмотря на то что оно не было принято полностью. Вместе с тем отражение в нем нашли вопросы о субъекте преступления. Понятие преступления конкретизируется. В статье 1 Уложения 1903 года преступлением признается деяние, запрещенное законом под страхом наказания.

Субъектом преступления по Уложению не являлось лицо, не достигшее 10-летнего возраста. Так, по Уложению субъектом преступления признавалось лицо, которое при совершении преступления могло осознавать и руководить своими действиями.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что субъектом преступления по Уложению 1903 года считалось лицо, которое достигло возраста уголовной ответственности и обладало вменяемостью. В результате проведенного анализа нормативных актов в историческом развитии выявлено, что все источники уголовного права содержали нормы, в которых субъектом признавалось лицо, имеющее помимо общих дополнительные признаки. Однако как таковое понятие «спе-

циальный субъект преступления» в этот период времени отсутствует. Подводя итог, можно прийти к выводу, что в доктрине XIX – начала XX века отмечались особенные взгляды на специальный субъект преступления, что отражает специфику эволюционного развития этого понятия и связь с институтом соучастия. Особо следует отметить, что общий субъект, который принимал участие в преступлении со специальным субъектом, согласно законодательству рассматриваемого периода отвечал за общее преступление или его ответственность регламентировалась специальной нормой.

Приведенный анализ уголовного законодательства Российской империи, безусловно, не может отразить в полном объеме представления о существовании рассматриваемой проблемы. Тем не менее можно подтвердить актуальность исследуемого вопроса и необходимость продолжения рассмотрения проблематики специального субъекта преступления в российском и зарубежном уголовном законодательстве в историческом аспекте и в современности.

В рамках проведенного исследования специального субъекта преступления в период развития уголовно-правового законодательства в Российской империи установлен ряд выводов:

– правовые памятники Российской империи выделяли отдельные виды исполнителей, однако не обосновывали пределы их ответственности;

– учение о специальном субъекте преступления в Российской империи появилось в XIX веке в аспекте развития института соучастия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есипов В. В. Преступление и наказание в древнем праве: учеб. пособие. Варшава, 1903. 149 с.
2. Миненок М. Г. Наказание в русском уголовном праве: учеб. пособие. Калининград, 1985. 235 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 года. Его значение и источники: учеб. пособие. Киев, 1902. 175 с.
4. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в русском государстве XV–XVII веков: учеб. пособие. М., 1995. 265 с.
5. Загоскин И. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 годов: учеб. пособие. Казань, 1879. 289 с.
6. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени: учеб. пособие. М., 1980. 185 с.
7. Чебышев-Дмитриев А. Н. О преступном действии по русскому допетровскому праву: учеб. пособие. Казань, 1862. 173 с.
8. Богдановский А. В. Преступление и наказание в русском праве до Петра Великого: учеб. пособие. М., 1857. 306 с.
9. Шорохов А. П. К вопросу о применении Воинских Артикулов Петра I 1715 года в общих (гражданских) судах: учеб. пособие. Томск, 1979. 215 с.
10. Красильникова Т. К. Государственно-правовая политика российского правительства в отношении торговых корпораций в XVII–XVIII веках // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 276–280.
11. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. СПб, 1907. 200 с.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: учеб. пособие. М., 1871. 142 с.
13. Олейникова С. С. Правовое обеспечение социальной деятельности органов земского самоуправления во второй половине XIX века // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 221–224.

REFERENCES

1. Yesipov V. V. Crime and punishment in the ancient law: textbook. Warsaw, 1903. 149 p.
2. Minenok M. G. Punishment in the Russian criminal law: textbook. Kaliningrad, 1985. 235 p.
3. Vladimírsky-Budanov M. F. Code of laws of 1589. Its value and sources: textbook. Kiev, 1902. 175 p.
4. Rogov V. A. History of criminal law, terror and repressions in the Russian state of the XV–XVII centuries: textbook. M., 1995. 265 p.
5. Zagoskin I. P. The code of the tsar and the grand duke Alexey Mikhaylovich and the Territorial Council of 1648–1649: textbook. Kazan, 1879. 289 p.
6. Skrynnikov R. G. Russia on the eve of the «Time of Troubles»: textbook. M., 1980. 185 p.
7. Chebyshev-Dmitriyev A. N. About the criminal act according to the Russian law of the pre-Pertine period: textbook. Kazan, 1862. 173 p.
8. Bogdanovsky A. V. Crime and punishment in the Russian law prior to Peter the Great: textbook. M., 1857. 306 p.
9. Rustles A. P. To the question of application of the Military articles of Peter I dated 1715 in the general (civil) courts: textbook. Tomsk, 1979. 215 p.
10. Krasilnikova T. K. State and legal policy of the Russian government concerning trade corporations in the XVII–XVIII centuries // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. # 1 (22). P. 276–280.